

Джули увидела, что Роман отвернул лицо, подняв руку, он провел пальцами по волосам, словно в разочаровании. Она была рада видеть, что часть его чувств все еще осталась внутри него, даже если это означало, что сейчас ему больно. Видя его в таком состоянии, у нее болело сердце, и она хотела бы быть более полезной для него.

Но после смерти человека мало что можно было сделать, кроме как смириться с уготованной ему судьбой.

"Почему ты хочешь, чтобы я это чувствовал?" - вздох вырвался из губ Романа, как будто он устал и не хотел сейчас иметь дело ни с чем, кроме своей жажды крови.

"Потому что это делает тебя тем, кто ты есть", - ответила Джули. Отпустив его руку, которую она держала до сих пор, она встала с кровати и оказалась прямо перед ним.

Роман, который слегка опустил голову, поднял ее, чтобы встретиться с ней взглядом: "Ты беспокоишься без причины, Винтерс. Со мной все в порядке".

Но Джули покачала головой: "Когда моя мать скончалась, я закрылась в комнате на часы, на дни, и мне не нужна была ничья помощь. Я хотела быть проглоченной, потому что чувствовала, что для меня ничего не осталось... людей, в которых я верила, не существовало, потому что в смерти моей матери виноват мой отец. Но я постепенно начала меняться, потому что моя мать не хотела бы видеть меня в таком жалком состоянии".

"Почему ты думаешь, что я несчастен?" - спросил Роман, и Джули прикусила внутреннюю сторону щеки.

"Ты закрываешь свои чувства, Рим... Это нормально - скорбеть и чувствовать горе. Это то, что делает нас живыми, даже если есть вещи, которые разрушают нас", - Джули положила руки ему на плечи. "Ты можешь взять столько времени, сколько захочешь, а я просто буду здесь. Рядом с тобой, в ожидании".

"А что, если я не хочу? Если ничего не сломалось, не надо чинить", - ответил Роман, его холодный взгляд пронзил ее сердце, и она изо всех сил старалась не сдаваться.

"Почему ты не хочешь?" Джули говорила едва слышным шепотом, продолжая смотреть в его красные глаза, в то время как в комнате горел золотистый свет, распространявшийся от прикроватной лампы.

Губы Романа разошлись, в глазах появились раздражение и гнев, и он сделал паузу, прежде чем сказать: "Потому что иногда ты слишком привязываешься к вещам или людям, и когда они уходят, остается пустота. Пустота никогда не заполняется и оставляет после себя дыру тьмы".

Джули поняла, что означали слова Романа. Он потерял свою биологическую мать, когда был

совсем маленьким, а затем потерял семью, которая взяла его к себе. Как будто этого было недостаточно, теперь он потерял Пайпер, женщину, которая была связана с его братом, ту, у кого были воспоминания его брата.

Она подошла ближе и встала между его ног. Она обхватила его руками. Она знала, что боль, которую чувствовал Роман, была слишком глубокой, и он похоронил ее. Но, сделав это, он мог задушить любого человека... и изменить его, так же как Роман превратился в потрошителя.

Джули сомневалась, что Роман превратился в полного потрошителя, в того, кто бесчинствует и убивает людей по прихоти. Он все еще был прежним, тем, о кого она споткнулась на их пути, влюбилась в него, а он поймал ее. Он спас ее во многих отношениях, и она черпала в нем мужество.

Роман не двигался несколько секунд, и когда Джули почувствовала, что он не хочет ни о чем говорить, она уже собиралась отойти. Но в этот момент он обнял ее за талию.

"Не двигайся. Останься", - сказал Роман, и Джули улыбнулась.

"Я всегда останусь", - ответила Джули, придвигая свое тело ближе и обнимая его, а Роман обнял ее в ответ.

Для Джули было нормально, если он не хотел говорить о своих чувствах, но она не могла просто стоять в стороне и смотреть, как он идет ко дну. Ей хотелось исчезнуть прямо сейчас, только Роман и она, подальше от Донована. Ей действительно казалось, что она имеет дело с ревнивой свекровью.

"Ее вырвало слишком большим количеством крови, она пыталась продержаться как можно дольше", - услышала Джули слова Романа, когда они не отходили друг от друга. "Я думаю, что выстрел предназначался мне, а не ей".

Джули нахмурила брови. Кто-то хотел убить Романа сегодня вечером?

"Так получилось, что Пайпер стояла передо мной, и она все время двигалась влево и вправо. Должно быть, это сбilo с толку злобного охотника на людей. И пуля попала в нее", - заявил Роман, его руки сжались вокруг ее талии, и Джули теперь понимала, какую тяжесть он носил в груди. "Ей не суждено было умереть. Она была глупа, что пришла и присоединилась к миссии сегодня".

"Она заботилась о тебе", - прошептала Джули и провела рукой по его затылку. "Как и ты... для нее ты был последней связью с памятью о человеке, которым она дорожила. Она хотела быть там".

"Это не делает ее менее глупой", - ответил Роман, под его голосом слышался гнев. "Я надеялся,

что она проживет столько же, сколько и я. И я никогда не хотел быть тем, кто похоронит ее в гробу".

Джули не протестовала, когда Роман зарылся лицом в ее талию, как будто ему нужно было собственное место, и она была таким местом в данный момент. Безопасное убежище, где он мог быть самим собой.

"Я здесь, Рим, и я не отпущу тебя. Что бы ни случилось или что бы ни ждало тебя в будущем, я буду продолжать стоять рядом с тобой", - слова Джули были твердыми, и опьянение, которое она чувствовала раньше, начало притупляться, и она чувствовала себя более похожей на себя и менее импульсивной.

Джули провела рукой по голове Романа: "Сейчас она в лучшем месте... Иногда мы скучаем по тем, кто нас покинул, но часто они находятся в лучшем месте. Спокойнее, чем то время, которое они провели здесь. Мисс Пайпер была женщиной, которую никто из нас никогда не забудет. Она ругала учеников в комнате для задержанных, она была громкой, но при этом смотрела на некоторых с раздражением, как старшая сестра. И никто никогда не забудет, каким человеком она была, когда дело касалось справедливости и доброты. Кто-то, кто был наполнен жизнью...".

Теперь, когда она подумала об этом, Джули задалась вопросом, как одиноко, должно быть, было вампирше прожить жизнь вампира, не имея никого. Даже Роман пробудился лишь несколько лет назад, а она все это время находилась рядом, пока Ветерис превращался в учебное заведение.

"Почему ты такая милая", - пробормотал Роман, в его голосе звучала нежность, и это согрело сердце Джули. Как будто она смогла увидеть проблески того человека, которым он был на самом деле.

"Как я могу не быть такой", - спросила Джули, - "Ты единственный человек, который у меня есть... и с которым я могу быть такой".

"Ты не боишься, что я могу убить тебя? Я чувствую сильную жажду, как будто все, что я хочу сделать, это вонзить свои клыки в человека и пить до тех пор, пока не останется ничего. Как будто есть пустота, которую я не могу заполнить, сколько бы я ни принял", - признался Роман, и с его губ сорвался вздох. Голова стала немного яснее, чем прежде, но боль в клыках не исчезла, а жажда словно многократно усилилась.

"Ты можешь пить мою кровь до последней капли в моем теле... но то, что ты чувствуешь... оно не исчезнет. Я здесь для тебя, Рим", - прошептала Джули, и наконец почувствовала, как Роман оторвал голову от ее талии, в которую он ранее зарылся, а хватка на ее талии ослабла.

Джули посмотрела вниз на Романа и заметила, как он поднял на нее глаза. Несмотря на то, что Роман не проливал слез, она заметила ободок его глаз, слегка покрасневший на фоне кожи.

Ее руки обхватили его лицо, и она наклонилась к его лицу, нежно целуя его губы. Глаза Романа закрылись на мимолётную секунду, и он открыл их, когда он отстранился, чтобы увидеть её карие глаза, которые смотрели на него с верой в него.

Роман притянул ее к себе, в результате чего Джули оказалась у него на коленях, и он обнял ее. Джули обняла его в ответ, обхватив его руками, как будто на этот раз утешали именно ее.

За двадцать четыре часа столько всего произошло, и казалось, что они наконец-то могут вздохнуть. Даже если Donovan был где-то в этом здании, их это не волновало, потому что сейчас все, что имело значение, это то, что они были здесь, рядом друг с другом.

Когда они провели достаточно времени, Роман сказал: "Я должен позже принести ей цветы получше. Думаю, Данте организует для нее достойное прощание".

"Ты хочешь присутствовать на нем?" - спросила Джули и отстранилась, чтобы снова встретиться с ним взглядом.

Как бы Роман ни успокоился, Джули почувствовала отчаяние от невозможности что-либо сделать. Он ответил: "Честно говоря, я не хочу". Но он не остановился на этом и продолжил: "Когда моя семья умерла, я не смог присутствовать на их похоронах. Попрощаться с ними, потому что я превращался в вампира. Даже когда скончалась моя родная мать, мне не позволили увидеть ее в последний раз. Все делалось в спешке, чтобы побыстрее все завернуть и замять, что ее не было ни раньше, ни позже. Раньше я не хотел присутствовать, но завтра я хочу быть там ради Пайпер. Это самое малое, что я могу сделать".

Джули была рада это слышать и сказала: "Я пойду с тобой. Я хочу увидеть ее в последний раз и попрощаться с ней".

Пальцы Романа нежно погладили Джули по спине, и он кивнул ей: "Она будет благодарна тебе за это".

Другой рукой он взял ее руку, лежавшую на коленях. Он переплел свои пальцы с ее, и Джули почувствовала себя в безопасности, зная, что ей не о чем беспокоиться, когда рядом с ней Роман. Будь то в его форме потрошителя или не потрошителя.

"Как ты себя чувствуешь? Выпей воды с лимоном, это поможет унять то неясное чувство, которое ты испытывала раньше", - сказал Роман, поднимая с земли бутылку, которую Джули поставила ранее.

Он протянул ей бутылку, и Джули сделала пару глотков, при этом несколько капель воды пролилось с уголков ее губ. Она подняла руку, потянувшись к губам, но Роман оказался быстрее и вытер их рукой.

"Не стоит пить то, чего ты не знаешь. Некоторые жидкости вредны для ведьм, и хотя большинство вампиров забыли о существовании ведьм, это не значит, что твоя жизнь свободна и без проблем."

"Я не хотела, чтобы ты навредил себе из-за Донована", - ответила Джули, чувствуя, как его большой палец поглаживает ее челюсть, нежно потирая ее, и ее сердце пропустило удар.

"Донован чертовски раздражает, и если ты последуешь за ним, он затянет тебя в адскую яму, из которой будет трудно выбраться. Он просто проверяет меня, и давай попробуем игнорировать его существование", - заявил Роман, и Джули слегка приподняла брови.

"Это возможно сделать?"

"Нет, это выдача желаемого за действительное. Он как назойливая муха, которая будет постоянно виться вокруг", - сказал Роман и притянул ее за талию так, что Джули теперь положила голову ему на плечо.

"Почему он с таким энтузиазмом относится к тому, чтобы ты стала потрошителем? Разве ему недостаточно работать одному?" - спросила Джули у Романа, глядя на лампу у кровати, свет которой отражался на них.

"Он одинокий вампир, и ему нужен кто-то, с кем можно убить время", - Роман закатил глаза, запрокинув голову Джули под подбородок. "Ему нужен кто-то своего уровня, чтобы стоять рядом с ним. Можно сказать, что у него высокие стандарты, когда дело касается людей, и он раздражающе навязчив", - с его губ сорвался легкий, разочарованный вздох.

Повернувшись к ней, он поцеловал ее в макушку и сказал: "Ты, наверное, хочешь спать. Хочешь спать здесь?"

Джули покачала головой и прижалась к нему поближе: "Я не хочу спать", - сказала она, хотя ее глаза медленно тяжелели. "Я хотела поговорить с тобой кое о чем, но не знала, когда об этом говорить".

"О чем?" - спросил Роман, поглаживая рукой ее затылок.

Она поджала губы, прежде чем сказать: "Это Эванс... Корвин знает Эванса и доверяет ему".

"Советник Ветериса?" - уточнил Роман, на его лице появилось небольшое нахмуривание, и Джули кивнула головой.

"Мм. Он посещал комнату, когда я была в лазарете. Я не успела поговорить с ним, так как там была Оливия, но, похоже, он знает о том, кто я такая. Я думаю, у него есть ответы", - сказала Джули, и хмурое выражение лица Романа стало еще глубже. Это было потому, что Эванс был

вампиrom, тем, кто был обращен в то же время, когда было обращено большинство людей из Ветериса. Это заставило его задуматься о том, не упустили ли они какую-то связь. "Как ты думаешь, можно ли сейчас вернуться в Ветерис?" - спросила она его.

"Да", - ответил Роман, и они встали. "Дай мне секунду", - и он повернулся к холодильнику, доставая банки и выпивая их одну за другой, и глаза Джули расширились, удивляясь, куда девается кровь.

Когда Роман выпил достаточно, чтобы не пить и не убивать никого на глазах у Джули, он поставил банку и провел языком по губам.

Они вышли из комнаты, спустились по лестнице, и когда они достигли первого этажа, где музыка становилась все громче и громче, пробуждая Джули от возможного сна, она почувствовала, как Роман просунул свою руку в ее, как будто это было что-то, что он делал подсознательно.

Дикость в глазах Романа не уменьшилась, и то, как он смотрел на окружающих, не вызывало ничего, кроме чистого раздражения, словно они были бельмом на глазу, кроме той, за которую он держался.

Они дошли до места, где Донован сидел с братьями и сестрами, и оба выглядели очень уютно, как будто что-то произошло. На лице старшего вампира была улыбка, и он выглядел расслабленным, как будто ему здесь было лучше всего.

"Ну вот, ты и вернулся, Роман", - заметил Донован и посмотрел на Джули, которая стояла позади Романа. Его взгляд упал на их руки, и он поднял голову: "Похоже, ссора влюбленных была недолгой. А я-то думал, что смогу увидеть что-то интересное".

"Как долго ты планируешь здесь оставаться?" - спросил Роман, не глядя на вампиров-братьев.

"Я не думал об этом. Почему?" Донован поднял брови.

Роман посмотрел на Грейсена и сказал: "Запишите счет Донована на мой счет. Я произведу оплату", а затем посмотрел на Донована: "Мне скучно, мы уходим".

Он не стал дожидаться согласия Донована и потянул Джули за руку, уводя ее от кабинки, а затем от толпы, прежде чем они вышли из здания. У здания все еще стояла длинная очередь людей, в которой вампиры и несколько людей, не знавших об этом месте, стояли, ожидая возможности попасть внутрь клуба.

Из здания быстро вышел человек с запиской в руке и позвал: "Мистер Молтеноре!".

И Роман, и Джули обернулись и увидели человека, бегущего к ним трусцой.

"Мистер Донован прислал это для вас", - и он протянул записку Роману.

Роман взял ее у человека, и тот вернулся в здание. Когда он открыл записку и прочитал ее, он закатил глаза.

"Что там написано?" - спросила Джули.

"Донован хочет узнать, как мы вернемся в Ветерис без машины, потому что она его", - он смял газету и бросил ее в стоящую рядом урну, которая идеально в нее вошла. "Хорошо, что он все еще догоняет текущее время".

Они прошли пешком некоторое расстояние, прежде чем заказать такси, и отправились в обратный путь в Ветерис. Поездка была тихой, Джули держалась за его руку, а ее голова прислонилась к его плечу.

Джули заснула, а Роман смотрел на дорогу перед собой. Цвет глаз Романа колебался между черным и красным, как будто черты рыцаря пытались пробиться наружу, но через несколько секунд его глаза стали обычными черными.

Когда такси добралось до Ветериса, Роман уже собирался нести Джули, но она проснулась раньше. Они вышли из машины, и он предложил ей свою руку.

Когда Роман и Джули начали идти, ему показалось, что за ними кто-то наблюдает. Его глаза быстро переместились на женщину, стоявшую недалеко от края леса и смотревшую на них с мрачным выражением лица, после чего она исчезла, словно ее и не было.

<http://tl.rulate.ru/book/71707/2002683>